

(а в ряде случаев и разработку) соответствующего лингвистического инструментария, т. е. набора максимально эффективных и гибких методик их изучения.

Таким образом, исследование речевого поведения в ракурсе проблем ГМК оказывается эффективным и для ГМК, так и для лингвопрагматики, обеспечивая данным лингвистическим теориям взаимное концептуальное, терминологическое и методологическое обогащение.

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Звонок Н. П., Минский государственный лингвистический университет

Преобладающая полифоничность современных дискурсивных практик заостряет внимание исследователей на фиксации закономерностей и различий в организации диалогического (полилогического) взаимодействия. Противопоставление мнений коммуникантов оформляется в виде спора, диспута, полемики, дискуссии, прений и находит отражение в композиционных особенностях, аргументативной базе, прагмакоммуникативных установках, свойственных тем или иным речевым жанрам. По сути, спор как выяснение, уточнение, согласование, утверждение позиций коммуникантов выступает гиперонимом по отношению к остальным формам коммуникативного диссонанса. Вместе с тем, симптоматично, что в современном языке слово «полемика» выступает как синоним слова «спор». На данном этапе сложно четко разграничить объем понятий полемики, диспута, дискуссии, прений, поскольку классические каноны их организации уже давно утратили императивный характер. Логично предположить, что отпала целесообразность в разведении сотрудничающего и соперничающего стилей общения, приписываемых соответственно дискуссии и полемике, поскольку данные виды спора и примыкающие к ним прения и дебаты давно утратили релевантные черты, по сути, превратившись в синкретичный жанр. Наиболее востребованной в плане внедрения модели спора оказалась полемика, репрезентативно представленная в институциональных типах дискурса, таких как политический, судебный, научный, религиозный и др.

Закономерно признать тот факт, что полемичность, определяющая коммуникативный сценарий, может быть по-разному отображена в дискурсивных практиках разных культур. Компаративный анализ британского и белорусского вариантов парламентских прений приписывает больший полемичный накал британским парламентариям. Последние руководствуются многовековой диалектической традицией ведения спора, демонстрируя богатый арсенал уловок с целью одержания победы в споре. Британской политической культуре в меньшей степени, чем белорусской свойственно избегать ликопвреждения. Открытая конфронтация в данном случае свидетельствует о четко заявленных позициях спорщиков и их решимости посредством логической аргументации доказать свою правоту. Здесь также нельзя не учитывать большую значимость индивидуализации личного дискурса, что позволяет сместить прагматический акцент в сторону

«Я»-референта, тогда как в белорусская полемика отражает ценности коллективистской культуры, не поощряющей открытой конфронтации и провоцирующей стремление к консенсусу «Мы-группы». Белорусские парламентарии проявляют меньшую склонность к использованию софистических уловок. В их исполнении прескриптивный спор развивается по более простому коммуникативному сценарию, нейтрализующему или гасящему открытое противопоставление мнений и квалифицирующему *argumentum ad hominem* как нежелательное средство ведения полемики, угрожающее групповой гармонии.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ПОНЯТИЙ «РЕАЛИИ», «ПОСТСОВЕТСКИЕ РЕАЛИИ», «ВЕРБАЛИЗОВАННЫЕ ПОСТСОВЕТСКИЕ РЕАЛИИ»

Зудова С. А., Белорусский государственный университет

Проблемы соотношения языка и объективной реальности; языка и общества, которое пользуется языком; взаимоотношений между языками мира относятся к числу важнейших лингвистических проблем. К решению данных проблем стремились и авторы исследований, посвященных реалиям: С. Влахов и С. Флорин, Г. Д. Томахин, А. Е. Супрун.

«В реалиях наиболее наглядно проявляется близость между языком и культурой: появление новых реалий в материальной и духовной жизни общества ведет к возникновению реалий в языке, причем время появления новых реалий можно установить довольно точно, так как лексика чутко реагирует на все изменения общественной жизни».

Отсутствие четкости в терминологии, употребляемой переводчиками и теоретиками перевода, лингвистами и лингвострановедами в отношении этого понятия, зыбкие границы между реальией и «нереальией», между реальией в переводоведении и реальией в литературоведении и лингвистике, между реалиями и другими классами лексики требуют выяснения содержания реалии.

Само слово «*realia*» — латинское прилагательное среднего рода множественного числа (от существительного *res* — «вещь, предмет» > *realis*, -e, мн. *realia* — «вещественный», «действительный»), превратившееся под влиянием аналогичных лексических категорий в существительное. Им обозначают (главным образом в филологических текстах) «предметы, вещи», а также явления, факты реальной действительности, существующие или существовавшие в прошлом. Подробное изложение различных точек зрения и дифференциация терминов содержится в исследовании С. И. Влахова и С. П. Флорина.

В русле нашего исследования важно соотношение реалий и безэквивалентной лексики (БЭЛ). Авторы «Непереводимого в переводе» рассматривают безэквивалентную лексику в широком и в узком смыслах. Так, реалии в широком смысле слова входят как самостоятельный круг слов в рамки БЭЛ. Термины, междометия и звукоподражания, экзотизмы, аббревиатуры, обращения, отступления от литературной нормы частично